

ИСТОРИЯ

Г. В. Ибнеева

ЕКАТЕРИНА II И ГОРОДСКИЕ СОСЛОВИЯ: ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Эпоха Екатерины II ознаменовалась проведением реформ в различных областях жизни российского общества второй половины XVIII в. В деле модернизации империи особое значение приобрело реформирование социальной структуры общества: центральным пунктом ее политической программы являлось создание сословий с определенными правами и обязанностями, свойственными тому или иному «состоянию». Каким образом формировалась сословная доктрина Екатерины II? Только ли на основании умозрительных идей, почерпнутых из трудов европейских просветителей, российская государыня строила свою политику по отношению к сословиям? Традиционная парадигма исследований, рассматривающих различные аспекты правительственной политики 2-й половины XVIII столетия по отношению к купечеству и городским сословиям, — законодательная. Исследователи чаще всего оперировали уже конечным результатом деятельности монарха — законом, указом, тем или иным распоряжением. Вопрос о том, что являлось импульсом для их появления, зачастую выпадал из сферы их интересов. Одним из факторов, способствовавших утверждению новых принципов в законодательстве 2-й половины XVIII в., явилось ознакомление императрицы с империей. Рассмотрим, как Екатерина II, ознакомившись с проблемами городских сословий, обогатила свои представления о способах и путях сословной модернизации общества.

В ходе своих путешествий Екатерина большое внимание обращала на развитие городов и городских сословий. Особенно ее интересовало купечество, поскольку на него она возлагала особые надежды в плане формирования «среднего рода людей». Исследователи пишут о том, что Екатерина, следуя идеям физиократов, первостепенное значение в экономическом развитии страны придавала сельскому

хозяйству, в меньшей степени — промышленному развитию. По мнению Екатерины, пишут они, «мануфактурное производство должно было занимать либо свободное время земледельцев, либо поглощать избыточную рабочую силу» [Омельченко, 1985, 77—79]. Однако изучение путешествий Екатерины II свидетельствует об обратном — ее большом внимании к представителям городских сословий, в том числе и купечеству, о понимании ею важной роли городских сословий в деле модернизации империи.

Екатерина активно встречалась с представителями той части населения, которая развивала экономическую промышленную инфраструктуру страны. Горожане, в том числе и купечество, принимали участие в подготовке встреч императрицы. В момент приезда венценосной особы купечество участвует в церемониале встречи, совершает ритуал подхождения к руке монархини, беседует с ней. Некоторых из них специально выбирают для участия в организации встречи российской царицы. Так, тульский купец Афанасий Афанасьевич Казачихин в 1787 г. был выбран начальством для «услуги» на Тульском оружейном заводе [см.: ОПИ ГИМ, ф. 92. д. 34]. Купечество, входящее в магистрат, приглашает монархиню побывать в ратуше, устраивает обеды в ее честь. В домах некоторых горожан, как, например, жителя города Нарвы (10 мая 1780 г.) Сутова, Екатерина «траковалась» обедом, даваемым ей магистратом [см.: Дневная записка..., 388]. С другой стороны, иногороднее купечество съезжается в губернские центры, чтобы иметь возможность повидаться с императрицей. В Казань в 1767 г., например, за 700 верст приезжает кунгурское купечество. Они были допущены к царскому обеду. «Государыня таким прямым усердием очень довольна была», — сообщает находящийся в ее свите В. Г. Орлов [см.: Орлов, 1908, 326].

Путешествуя по стране, императрица собирала информацию относительно состояния городов, развития предпринимательства. В рапортах, подаваемых ей губернаторами, наличествовал пункт о состоянии городов, промыслов, торгов, «упражнений мещанских», фабрик, рукоделий и ремесел [см.: РГАДА, ф. 16, д. 720, л. 33; Дневная записка, 386]. Эта форма присутствовала практически в каждом путешествии императрицы.

Как отмечается в исследовательской литературе, одним из направлений правительственного курса промышленной политики второй половины XVIII столетия явился отказ от практики искусственного, тепличного взращивания сильных фабрикантов-монополистов, сохраняя при этом покровительство собственной промышленности в целом и предоставляя относительную свободу частному предпринимательству, при котором централизация и опека становятся излишними [см.: Ковальчук, 1999, 18]. Известно, что Екатерина была сторонницей свободного рынка и минимального государственного регулирования. Уже в начале ее царствования был взят курс на либерализацию торгово-промышленной деятельности. В указе от 31 июля 1762 г. был обозначен принцип свободы торговли и предпринимательства [см.: Каменский, 1999, 351, 379].

Путешествия Екатерины отразили элемент либерализации экономической деятельности, что выразилось и в эволюции промышленно-экономической полити-

ки. 18 апреля 1767 г., во время пребывания Екатерины в Москве (в преддверии путешествия по Волге), вышел именной указ Мануфактур-коллегии. В нем повелевалось впредь до будущего рассмотрения «никакое ремесло и рукоделие, каким городские жители себе промышлять могут, не запрещать». Все, что было конфисковано государством с фабрик, которые не были зарегистрированы в Мануфактур-коллегии, должно было быть возвращено хозяевам. Причем делалась оговорка: «но о сем, без особенного нашего указа, не публиковать» [ПСЗ, XVIII, № 12872, 85]. Таким образом, Екатерина неофициально разрешила деятельность этих предприятий, а также индивидуальную трудовую деятельность, носящую промышленный характер. Тем самым была предпринята мера, позволяющая избежать серьезных противоречий между тяжелой, привилегированной промышленностью и небольшими мануфактурами, закрытыми в силу их незарегистрированности в Мануфактур-коллегии. По мнению американских исследователей Д. Александера и В. Камендровского, импульсом для принятия этого решения послужило ознакомление Екатерины с промышленной ситуацией в Москве в 1767 г. [см.: Alexander, 1989, 104—105; Kamendrovsky, 1982, 199—214].

Видимо, в развитии частных предприятий императрица видела больше эффективности, нежели в казенных. Известно ее мнение и относительно казенных монополий, приносящих один вред. Так, в указе 1767 г. Екатерина высказалась по поводу казенной кожевенной фабрики, находившейся под ведомством Кригс-комиссариата: «Когда сия фабрика будет не в казенных руках, тогда, я чаю, достаточно и кож будет. Монополиум, к сей казенной фабрике, был вреден народу, и казенная от того прибыль не награждала того вреда». Кроме того, в указе было прибавлено, что вообще «никаких дел, касающихся до торговли и фабрик не можно завести принуждением, а дешевизна родится толь от великого числа продавцов и от вольного умножения товара» [ПСЗ, XVIII, № 12949, 13090].

Эти аспекты торговой и промышленной политики отражаются и в путешествии Екатерины по Волге в 1767 г. Императрица проявляет живой интерес к частным вольным предприятиям: она с удовольствием посещала фабрики, знакомилась с особенностями технологических процессов, вникала в нужды предпринимателей [Камер-фурьерский журнал, 1767, 124—125, 186.]. В Ярославле, посетив фабрику И. Затрапезнова, Екатерина побывала в светлицах, где ткались полотно, скатерти и салфетки, расспрашивая: «Как что у них делается? Есть ли от того прибыли?». Интересом к модернизации производства был вызван и ее вопрос «Не можно ли большее количество товара с уменьшением числа работников, чрез лучшие машины производить и нет ли в чем к поощрению и размножению сих нужных мануфактур недостатка?» [Санкт-Петербургские ведомости, 1767]. Очевидно, что Екатерину волнуют вопросы прибыльности промышленной продукции для Российского государства, а потому она поставила вопрос об особенном внимании к производству тех товаров, «которых чужестранным государствам более надобности, и, следовательно, которые торгу нашего отечества прибыльток» [Там же].

Екатерину интересует многое: от видов производимой продукции до состояния капиталов. В Казани в 1767 г. во время подхода кунгурских купцов к

руке императрица «расспрашивать изволила, какие заводы в их городах находятся, с какими землями они торговлю ведут и на какую именно сумму производят оную... торговлю». Она с похвалой отозвалась о мыловаренных и кожевенных заводах в Казани, отметив, что казанские кожи славятся не только в «ее обширной монархии», но и в чужих землях. При этом спрашивала у кунгурского купечества об их кожевенных заводах [см.: ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 2318, л. 7]. В разговоре с кунгурскими купцами ею был затронут и аспект промышленной конкуренции как важного элемента предпринимательства в условиях свободного рынка, и фактор дальнейшего промышленного развития. Очевидно, чтобы поощрить купцов в дальнейшем развитии производства, совершенствовании продукции, она объявила, что ей бы хотелось, «дабы казанские заводчики старались перед кунгурскими своими изделиями кожевенными щеголять, а кунгурские равным образом хотели бы казанских кож своими славу затмить» [Там же]. Императрица проявляет особенный интерес к тем видам предпринимательской продукции, которые имеют государственное (стратегическое) значение. В частности, в Казани в разговоре с купцами императрица говорила о суконной фабрике, принадлежащей казанскому заводчику И. Ф. Дряблову. Она изъявила намерение посетить эту фабрику, «доставляющую значительное количество сукна для войска российского» [Там же].

Увиденное произвело на нее определенное впечатление. Следствием пребывания на фабрике явится вмешательство Екатерины в коммунальное хозяйство города. Приехав в столицу, Екатерина поставит вопросы, связанные с предпринимательской деятельностью казанских заводчиков. Особенностью их производства явилось то, что кожи вымачивали непосредственно в реке Булак, протекавшей в городе, отчего чувствовался специфический запах. С другой стороны, именно эту воду употребляли жители города. Во время пребывания в Казани императрица, видимо, разобралась в этой ситуации и не оставила решение этой проблемы без внимания. 7 апреля 1768 г. казанский губернатор А. Н. Квашнин-Самарин получает ее указ о том, чтобы перенести кожевенные заводы в более удобное место, а именно «по течению находящейся при оных воды ниже города, дабы испорченная вода не текла через город» [РГАДА, ф. 16, д. 720, л. 3.]. Таким образом, эта вода сделалась бы «чище и здоровее» для употребления ее жителями. Ответ Квашнина свидетельствует о его действиях, направленных на выполнение указа императрицы. Губернатор нашел место ниже Успенского монастыря, где можно сделать «бассейн и вокруг оного плотину», что должно было служить местом для «мочения» кож. Вызвав местных «заводчиков» и объявив им высочайшее повеление, Квашнин потребовал от них перенести место мочения кож. Однако владельцы кожевенных заводов, которые ранее, в силу жесткости воды в Казанке, не мочили в ней кожи, высказали свое желание мочить их в верхнем течении реки Казанки и «повыше плотины» [Там же, л. 3—3 об.].

Рапорт казанского губернатора обсуждался на комиссии, члены которой посчитали предложение Квашнина об устройстве «бассейна и плотины» слишком дорогим: по смете эти сооружения стоили бы 18 тыс. рублей не считая денег на

«починки». Обсуждающим не понравилось и предложение заводчиков мочить кожи в «заливах» (т. е. в верхнем течении Казанки), поскольку запах от мочения проходил через весь город. В силу этих обстоятельств они просили повелеть казанскому губернатору приискать другое место на реке Казанке ниже города [ПСЗ, XVIII, 4 апр. 1769, 867—868].

Какие проблемы стояли перед торговым городским населением? Большой проблемой для русских купцов были небольшие капиталы, что наглядно показывает ситуация в Нижнем Новгороде в 1787 г. Из-за отсутствия средств купечество явно находилось в упадке: оно не могло «расторговаться». Во время пребывания императрицы в этом городе купечество подало ей челобитную о заведении в городе торговой компании. Екатерина пошла им навстречу и учредила первую в России акционерную торговую компанию [Сб. РИО, 1872, X, 193—198]. Компанейский торг, дававший многократное умножение капиталов, рассматривался и правительственными, и купеческими кругами как наилучшее средство активизации торговой деятельности купечества и укрепления его позиций на внешних рынках [см.: Козлова, 1999, 295].

В указе императрицы воспроизводился текст челобитной, на каждый пункт которой следовала монаршая резолюция. По мысли императрицы, компания устанавливается для того, «дабы оптом город мог учредить порядочный торг» [Сб. РИО, 1872, X, 199]. Компании было дозволено торговать, «чем за благо рассудят». Поскольку купечество просило государыню о помощи (дать 20 тысяч рублей на 5 лет), Екатерина дала свое согласие. Деньги из казны переводились не полной суммой, а по частям: в ноябре 1767 г. — 5 тыс. рублей, в январе 1768 г. — еще 5 тыс. рублей, в ноябре 1768 г. — остальные 10 тыс. Деньги давались без процентов с условием возвращения их в казну, но за это компания должна была осуществить поставки хлеба в Санкт-Петербург. Екатерина II также обязывала купечество Нижнего Новгорода для собственной же безопасности стараться построить свои амбары каменными. От губернатора они должны были требовать план этих строений [Там же, 136—137]. Императрица, проплыв, по Волге, убедилась, насколько страдают города от пожаров, поскольку большинство городских строений были деревянными. При пожаре купцы теряли не только дом, но и заводы, лавки, товары, вследствие чего приходили в разорение. Во время путешествия по Волге и после него в 1767 г. Екатериной были приняты указы о строительстве и плане застройки городов [см. об этом: ПСЗ, XVIII, № 12891, 125; о строении каменных домов в городе Казани по вновь прожектированному плану — см.: Там же, № 12908, 140—141; о построении домов в городе Алексин на погоревших местах по вновь составленному плану — см.: Там же, № 13278, 867; и др.]. Таким образом, Екатерина последовательно претворяла свою программу развития купечества, демонстрируя благотворность новейших западных идей, будь то организация коммунального хозяйства или акционерное предпринимательство.

Проблемы развития торгов и ремесел проявятся в новом срезе во время путешествия Екатерины в Белоруссию в 1780 г. После присоединения этих земель к России в результате раздела Польши торговое и ремесленное население, рассредоточенное по сельской местности, по новым порядкам Российской империи должно было селиться в городах. Многие села и местечки «назначались» новой властью городами. Пребывая в этих землях, императрица имела возможность увидеть неразвитость предпринимательства, торговли и разорение части городского населения. Тягостное впечатление, например, оставлял Гдов. Здесь не только не имелось фабрик и промыслов, но и слабо было развито ремесло [см. об этом: Дневная записка..., 392]. Жители Гдова промышляли мелочными товарами, пашнею и были «весьма незажиточны» [см.: Топографические примечания..., 1789, 20]. Для того чтобы найти пропитание, мещане засеивали пашню около города. Торговля в этом городе производилась не более чем на три тысячи рублей. При встрече с императрицей, когда речь зашла о «нуждах» города, оказалось, что город испытывал недостаток в «мастеровых» и средствах на строительство домов. Пожалование императрицей денег на строительство зданий было довольно традиционным делом. Гораздо сложнее было решать вопросы, связанные с развитием ремесла в городе. Особая роль в решении данных проблем ложилась на плечи местной администрации, которой рекомендовалось стараться «приохотить» хотя бы небольшое число ремесленников переселиться сюда из других мест. Кроме того, наместник и губернатор должны были найти источник пропитания для городских жителей, решив вопрос о возможности заведений какой-либо фабрики и «рукоделия» [см.: Дневная записка..., 392].

Путешествуя по стране, императрица уяснила значимость для сословий права торговли. После вышеназванного указа Екатерины о свободе торговли и предпринимательской деятельности исключительное право торговли купечества с новой силой начинают оспаривать, с одной стороны, дворянство, а с другой — крестьянство. И те и другие продавали в городах сельскохозяйственную или ремесленную продукцию промыслов, изготовленную в деревне, при этом не записываясь ни в посад, ни в купечество и не платя налогов. Это обременяло тех, кто был приписан к городскому сословию. Согласно Соборному уложению, крестьянам дозволялось наравне с приезжими людьми и с иностранцами временно приезжать в города и продавать товары оптом из гостиных дворов с волов и стругов [см. об этом: ПСЗ, I, № 1, гл. 19, ст. 17]. Обсуждение проблемы права торговли проходило в заседаниях Уложенной комиссии, где отразилось соперничество как между крестьянством и купечеством, так и между дворянством и купечеством. Основные стремления купцов рассматриваемого периода сводились к предоставлению им полного и исключительного права торговли, заведения заводов и фабрик, взятия подрядов и откупов [см.: Козлова, 1999, 321].

Беспокойство купцов вызывало и развитие скупочных операций крестьян и помещиков внутри страны, а также привоз к портам продуктов своего хозяйства. Как отмечают исследователи, крестьяне не ограничивались сбытом оптом и в розницу, на ярмарках и в городах русских сельскохозяйственных продуктов или изде-

лий кустарных промыслов, закупаемых ими. Во многих случаях они производили такие операции, которые считались для них недозволенными: например, сбыт иностранных изделий внутри страны, торговля с восточными народами, доставка русских товаров к портам и даже экспорт последних за границу [см.: Кулишер, 2003, 300].

Очевидно, что купечество терпело убытки в конкуренции с крестьянами. Это иллюстрируется челобитной, поданной императрице в 1780 г. во время пребывания ее в Пскове местным купечеством. Главный промысел Пскова — продажа «необделанного» льна — сырья, который привозился для торговли в город Нарву [Топографические примечания..., 1780, 31]. Купцы жаловались на экономических и дворцовых крестьян, которые в большом количестве поселились в Псковской области и занимались тем же промыслом — торговлей льном. Причем крестьяне осуществляли такие же торговые операции, как и купцы, хотя не были записаны при этом в купеческое сословие. Они привозили лен в Нарву, составляя местным купцам конкуренцию, которую последним выдержать было сложно. Как отмечалось в челобитной, купцам приходилось продавать свой товар «нискими ценами» и нести убытки. Поэтому купечество просило «учинить» запрещение крестьянам заниматься торговой деятельностью [см.: РГАДА, ф. 16. д. 382. л. 101 об.—104.]. Купечество беспокоила также деятельность иностранных купцов, которые скупали лен у крестьян по более дорогой цене, чем та, которую могли себе позволить местные купцы. С этим псковские купцы конкурировать уже не могли. С другой стороны, городское население Пскова жаловалось на то, что в городе не имеется фабрик для «доставления неимущим пропитания работой» [Там же].

Соперничество наблюдалось не только между купечеством и остальными сословиями, но и внутри самого купеческого сословия — между местным и иногородним купечеством. В челобитной, поданной императрице в то же время купечеством Опочки (путешествие в Белоруссию, 1780), говорится, что большое «помешательство» в делах оно терпит от «приезде» иногородних — санкт-петербургских и старорусских купцов. Последние покупают у крестьян и дворян не только посев (льна), но и дают крестьянам и дворянам деньги вперед, для того чтобы его закупить, когда созреет урожай. Данную продукцию иногородние купцы продают «и в контракты, и в порты». В силу этого местные купцы ни в «покупке», ни в «продаже» равняться с ними не могут. Купцы также жаловались на то, что иногородние собраты не только в их городе «без позволения всякую мелочную (т. е. розничную. — Г. И.) продажу производят, но и в уездах, в деревнях, въезжая с товарами в господские дома» [Там же, л. 222].

Как императрица реагирует на все эти жалобы? Помимо всех благ, которые получил Псков (средства на строительство домов, заведение городской школы, семинарию и т. п.), Екатерина повелела основать в Пскове казенную полотняную фабрику, в которой работа будет производиться вольнонаемными людьми. По ее мнению, заведение этой фабрики не должно было рассматриваться частными людьми как препятствие заводить свои собственные фабрики. Напротив, оно должно было служить поощрением. Императрица, таким образом, отразила свое положи-

тельное отношение к свободе предпринимательства и торговли и высказалась за конкуренцию как их стимул. Что же касается вопросов, относящихся «до поправления торгу», то Екатерина обещала их решить в будущем законе о городских учреждениях (т. е. будущей Жалованной грамоте городам) [см.: Дневная записка..., 395] — довольно обтекаемый ответ, уводящий в сторону.

Однако Екатерина II осознавала сложность этой проблемы. Официально еще указом 1778 г. «О приведении купечества и их торговли в хорошее состояние» крестьянам запрещалось торговать в городах, слободах и в селах, за исключением лишь «знатных» сел и деревень, находящихся от городов не ближе пяти верст. Однако в этом же документе прозвучала и мысль, оправдывающая допущение крестьян к торгу: «Если всех крестьян, здесь и в других местах при торгах обращающихся, вдруг отлучить от торгов и употребить их к свойственной их звания должности... оное не только ни малой удобства принести не может, а послужит некоторым упадком в купеческом капитале; ибо весь нажитой здесь крестьянами от купечества капитал должен остаться не в том уже обращении, от которого купечество может пользоваться. Да к тому же и всякий крестьянин, живучи долговременно при торговых промыслах, не употребляясь нимало к земледелию, не может быть столь полезен в крестьянстве, кои от малолетства упражняются в оном» [цит. по: Кулишер, 2003, 309]. Это пространное объяснение законодателя по сути противоречило самой направленности указа: из него вытекало, что крестьянам не следует препятствовать в занятиях торговлей.

Действительно, на практике Екатерина и ее экономические советники ни разу не пошли на ограничение крестьянской и дворянской торговли. Стремление купеческого капитала к господству на внутреннем рынке непосредственно затрагивало интересы помещиков и крестьян, поскольку ограничивало возможности использования дополнительного источника устойчивости и прибыльности их хозяйства. Государыня же понимала, что право торговли является актуальным для тех, кто не имеет возможности иначе добыть достаточных средств к существованию, и в частности — к уплате податей. В августе 1763 г. при проезде Екатерины через Переяславль (поездка в Ростов) староста Федор Попов «с товарищи» подали ей челобитную от сокольных помытчиков¹ с просьбой разрешить им торговать. Со времени царствования Анны Иоанновны соколиная охота не была в особой чести у российских правителей. Екатерина, вступив на престол, сочла полезным для себя возобновить любимую потеху московских царей. Трудно сказать однозначно, нравилась ли она ей или это было обусловлено политическими соображениями: после захвата престола ей необходимо было подчеркнуть «природность» своей власти, ее преемственность от московских государей. Так или иначе, летом 1763 г. во время пребывания в Москве Екатерина иногда забавлялась охотой с соколами и кречетами. Тогда же она объявила, что вообще ранней весной будет охотиться с птицами. Поэтому обер-егермейстер С. Нарышкин отправил в Вену одного из луч-

¹ *Помыт* — напуск ловчих соколов на добычу; *помытчик* — помыкальщик, соколятник, выпускающий ловчую птицу, натравливающий ее [см.: Даль, 2003, III, 277].

ших кречетников [см.: Семевский, 1901, 190]. Интерес, проявленный государыней к соколиной охоте, воодушевил сокольных помытчиков: у них появилась надежда улучшить свое положение. Большая их часть находилась в бедственном положении. В условиях отсутствия земли им приходилось платить подушную подать, отправлять рекрутчину. Впоследствии Сенат разрешил им не поставлять рекрутов, а платить за них деньгами [см.: ПСЗ, XII, № 9075].

В тексте челобитной, поданной императрице сокольими помытчиками, говорилось, что по силе указов Петра I им для прокормления вместо пашенной земли разрешалось торговать в Москве и Переяславле-Залесском в свободное от ловли птиц время². Однако переяславское купечество, жаловались помытчики, их ни «до какого торгового промысла не допускает и причиняет немалые обиды». В силу этого они пришли во «всконечную нищету», а потому платить подушные деньги, различные государственные сборы не в состоянии. Помытчики просили высочайшего указа, чтобы им «с переяславским купечеством торговать в равенстве (разрядка наша. — Г. И.) и... в том им не отказать» [РГАДА, ф. 248, кн. 5484, л. 196—196 об.]. Отметим, что их требование включало в себя не просто право торговли, которое они уже имели по грамоте Петра, но право «в равенстве с купцами».

Екатерина повелела Сенату рассмотреть это дело «по силе законов» и сделать ей о том представление. В ходе разбора этого дела оказалось, что переяславские помытчики еще ранее добивались права заниматься торговлей. Сенат поднял дела, которые показали, что их предшествовавшие хлопоты ничем не разрешились. На поданную помытчиками челобитную 25 сентября 1760 г. Сенат разрешал торговлю «не иначе как с тем, чтобы они записались в купечество и в то же время исполняли и соколиную службу» [Там же, л. 198 об.]. Обсуждая данное дело, Сенат пришел к выводу, что претензии помытчиков на право торговли необоснованны: в грамотах Петра не было пунктов, разрешающих «иметь лавки и равно как купечеству торги производить». Ссылаясь на уложенные пункты, а также на Таможенный устав 1775 г., Сенат указал, что торговать крестьянству (не записанному в купечество) наравне с купечеством недозволенными товарами «не подлежит», т. е. отказал им в праве торговли наравне с купцами. Однако определенными товарами торговать все-таки разрешалось [Там же, л. 199]. Это вполне юридически обоснованное решение все-же вызвало неудовольствие Екатерины. О том, что Екатерина не была удовлетворена подобным решением, свидетельствуют ее записка к генерал-прокурору Сената А. И. Глебову: «...для чего сокольникам отказано от Сената торговать в силе им данной жалованной грамоты, когда татарам и казанским ямщикам дозволено в силе таких же грамот?» [Сб. РИО, 1871, VII, 288].

Видимо, Екатерина дала поручение и обер-егермейстерской канцелярии разработать меры по улучшению положения помытчиков. В 1765 г. А. Нарышкин подал императрице доклад, в котором, отмечая «скудость» их положения, предло-

² Челобитная сокольных помытчиков впервые была введена в научный оборот В. И. Семевским [1901, II, 190].

жил снабжать архангелогородских помытчиков деньгами для снаряжения судов, заготовления провианта и на прогоны; возобновить жалованные грамоты для белозерских и переяславских помытчиков и т. п. [см.: Семевский, 1901, II, 191]. На заседании 17 августа 1769 г. Сенат приступил к обсуждению предложений Нарышкина. Очевидно, Сенат не считал положение помытчиков действительно тяжелым, поскольку на заседании сенаторы отметили их преимущество (они не были обложены подушной податью) и сделали заключение о невозможности снабдить судами, провиантом и прогонными деньгами архангелогородских помытчиков. Таким образом, Сенат не поддержал доклад Нарышкина и не отступил от своего первоначального решения. Этот вопрос обсуждался в общем собрании всех департаментов Сената, решения которого легли в основание всеподданнейшего доклада [см.: РГАДА, ф. 248, кн. 3629, л. 553—554].

В рекомендациях Сената отразились основные положения существующего законодательства. Так, помытчикам, даже если они были записаны в посад, полагалось по-прежнему исполнять свои обязанности. Записавшимся в посад помытчикам разрешалось пользоваться с купцами равными правами, на что, собственно, не требовалось отдельного постановления Сената, поскольку это полагалось по закону. Вместе с тем небольшие послабления им все же были сделаны. Так, была определена мера на улучшение материального положения архангелогородских помытчиков, которую предполагалось распространить на всех остальных: например, вдвое повышалась плата за птиц. Помимо этого, помытчики освобождались от постоянного постоя, но проходящие полки могли у них останавливаться [Там же, л. 553—556].

Этот доклад не был утвержден императрицей, что позволяет сделать предположение о том, что она все же ожидала другого решения. Императрица, видимо, хотела получить конкретные предложения Сената, направленные на существенное облегчение положения помытчиков, пусть даже в порядке исключения и вопреки нормам законодательства. 26 февраля 1784 г. Сенат вновь подает доклад, где предполагается улучшить положение помытчиков: сюда включались пункты о наложении их лишь семигривенным окладом, «кроме лова и приноса птиц, служб не исправлять». Сенат вносил новое решение, которое радикальным образом противоречило их прежним постановлениям: помытчикам дозволялось торговать чем захочется наравне с купцами [РГАДА, ф. 248, кн. 3629, л. 115]. Однако Екатерина повелела оставить помытчиков впредь до рассмотрения на прежнем основании. Очевидно, она все же полагала, что еще вернется к этому вопросу. Возможно, это было связано с предстоящим опубликованием Жалованной грамоты городам, которая наделяла городские сословия определенными правами и привилегиями, утверждавшими сословный характер реформы. Пока же помытчики должны были в своей жизнедеятельности опираться на Жалованные грамоты российских государей и пользоваться теми правами, которые были там прописаны [Там же, л. 117].

Данная ситуация отражает сложность, противоречивость самой проблемы. С одной стороны, Екатерина все же рассматривает челобитные непривилегированных слоев населения. Она готова предоставить отдельным сословиям право

торговли, которое им не принадлежит изначально, понимая, что в ней источник пропитания и выживания в целом. В этом она верна себе и проводит курс на либерализацию экономической деятельности. С другой стороны, Сенат, приверженный существующему законодательству, был более последователен в реализации сословной политики. Данная ситуация показывает, что Екатерина временами разводила идеологию и реальную политику. Официально придерживаясь сословности, отражающейся в существующем законодательстве, она вместе с тем была достаточно гибкой, чтобы понимать, что реальная практика не измеряется только официальными актами.

В путешествии по Волге в 1767 г. императрица сталкивается также с проблемой городского самоуправления, в котором важную роль играет купечество. В неупорядоченном сословном ландшафте Российской империи рельефно выделяется конфликт в среде ярославского купечества, который императрица наблюдала во время пребывания в Ярославле. В этом городе с 1764 г. шла обостренная борьба двух партий, представлявших, с одной стороны, купцов первой гильдии, а с другой — купцов второй и третьей гильдий. Очевидно, перед самым приездом императрицы купцов Ярославля убедили написать коллективную челобитную и подать ее императрице в знак того, что купечество готово устранить конфликтную ситуацию «полюбовно».

В мае 1767 г. в дни пребывания императрицы в городе купечество через полицмейстера Н. И. Чичерина подало ей челобитную, в которой заключалась просьба о восстановлении мира и тишины между ними. Составлена она была 2 мая 1767 г. Эта коллективная челобитная, написанная от лица «разностатейного купечества», сознающего, что город гибнет от вражды и несогласия, представляет собой «источник в источнике». Из текста данного документа видно, что до нее еще ранее была подана жалоба «средостатейного» (т. е. второй гильдии) купечества на «первостатейных» (т. е. первой гильдии) купцов. Источником конфликта, очевидно, явилось недовольство купцов второй и третьей гильдии неравномерными и беспорядочными сборами, налагаемыми магистратом. Немало тому способствовали купцы первой гильдии, заседавшие в местном магистрате и имевшие возможность влиять на принятие решений. В силу этой жалобы была учреждена комиссия, которая должна была учинить следствие по поводу непрекращающейся ссоры между купцами. По прибытии императрицы в Ярославль купцы первой гильдии, скорее всего опасаясь возможных разбирательств, пришли к определенному согласию с остальными купцами города, что они письменно и зафиксировали в коллективной челобитной [см.: РГАДА, ф. 16, д. 1010, л. 3].

Данный документ свидетельствует о том, что в купеческой общине города существовал серьезный финансовый «раздрай». Очевидно, что первостатейное купечество, виновное в несправедливом распределении сборов, вынуждено было взять на себя определенные обязательства перед городской общиной. Во-первых, оно обя-

зывалось заплатить подушный сбор за все ярославское купечество в размере 10 тыс. рублей. Причем оговаривалось, что это делается без принуждения. Во-вторых, оно обещало купцам второй гильдии, с которыми уже долгое время имело тяжбу, за проезды и убытки по следственному делу заплатить 1,5 тыс. рублей. В-третьих, оно собиралось выплатить затраты по следствию (жалованье служащим, канцелярские расходы) — 0,5 тыс. рублей [см.: РГАДА, ф. 16, д. 1010, л. 3 об.].

Вместе с тем определенные затраты несли купцы второй и третьей гильдии. Сообщалось, что с купцов третьей гильдии за неуплату подушных и других поборов с 1759 г. по 1764 г. собиралась недоимка в размере 2 тыс. 19 руб. 99 коп. Сколько должны были заплатить купцы второй гильдии, из текста челобитной неясно. В челобитной также было отражено требование купцов второй и третьей гильдий, чтобы с них не взыскивали недоимки первостатейного купечества, и содержался призыв ко всем о прекращении ссор и вражды [Там же]. Как, когда и где решались данные вопросы, текст челобитной не отражал. «Мирской согласной договор» был скреплен «приложением рук» и обещанием прекращения «прекословия» и предания «вечному забвению несогласия и междуусобия» [Там же].

Таким образом, члены городской общины наметили пути восстановления гражданского мира в городе. Для того чтобы окончательно утвердить спокойствие в городской общине, в конце челобитной они высказали просьбу монархине: в силу заключения мирского согласного договора учрежденную комиссию упразднить, счета о расходах той комиссии уничтожить. Очевидно, купечество пришло к общему выводу о более справедливой организации ярославского магистрата. В челобитной ставился вопрос о его реорганизации: купцы просили императрицу повелеть определить туда представителей из всех трех гильдий ярославского купечества. Форму же выборов в магистрат ратманов челобитчики просили определить саму императрицу [Там же, л. 4]. По сути, купцы просили об утверждении императрицей этой челобитной и восстановлении тем самым мира и спокойствия в их среде.

Ситуация эта была очень неприятна венценосной особе. Государственным идеалом Екатерины II была идея создания гармоничного сословного общества, государства, самоуправляющегося в своей основе. Екатерина видела в городе самоуправляющуюся общину, имеющую определенные законом права и обязанности. Это впоследствии будет закреплено в Жалованной грамоте городам 1785 г. [см.: Кизеветтер, 1909, 10]. Важным элементом сословного здания, воздвигаемого российской императрицей, являлось третье сословие, или «среднее состояние людей», на которое она возлагала особые надежды. В данной ситуации люди, заседавшие в магистрате, органе городского самоуправления, главной функцией которого являлся сбор налогов, не справились с этой своей основной задачей. Тем самым они продемонстрировали трудности создания сословного общества в России. Картина гармоничного сосуществования всех подданных, которую хотелось видеть Екатерине, не складывалась. Ведь в Ярославле присутствовали иностранные послы, и императрице было важно создать видимость благополучия в империи.

Нельзя сказать, что ситуация в Ярославле была нетипичной. Например, в эпоху Петра I противостояние «большеплатежных» и «малоплатежных» в Калужском посаде привело вначале к созданию двух земских изб (1714), а затем без ведома властей — двух магистратов (1725). Ситуацию в Калуге тогда «разруливали» вначале ратуша, затем главный магистрат вместе с воеводой. В целом она была разрешена в интересах «большеплатежных», поскольку именно эта часть должна была стать проводником политики петровского правительства в городе [см.: Муравьев, 1959, 157—163]. Проблема споров и конфликтов в городских магистратах по самым различным вопросам жизнедеятельности городской общины, видимо, сопровождала существование городских магистратов практически всю первую и отчасти вторую половину XVIII столетия [см.: Кизветтер, 1903, 729—730].

Обычно в момент конфликтных ситуаций главный магистрат откомандировывал в такие города магистратского члена из какого-либо соседнего посада для исследования причин возникших столкновений. Однако эта мера сопровождалась некоторыми осложнениями. Командируемые члены не думали немедленно двигаться к месту своего назначения и начинали бесконечную переписку с главным магистратом, приводя в своих доношениях уважительные доводы к освобождению их от экстренной служебной посылки. В бесплодной переписке протекали месяцы, между тем ситуация в посаде продолжала оставаться беспокойной и более сильная «партия» могла воспользоваться своим положением [Там же, 774].

В данной ситуации Екатерина берет функцию умиротворения городской общины Ярославля на себя. Она не оставляет челобитную без внимания и, пытаясь понять причины конфликта, начинает собирать информацию о случившемся в городе. Она встречается с купечеством: посещает ткацкие фабрики И. Затрапезнова и С. Яковлева, шелковые фабрики Колосова и Холщевникова [Санкт-Петербургские ведомости, 1764, 29 мая, изъяснение к № 44]. Беседуя с царицей, возможно, купцы останавливались и на тех проблемах, которые возникали у них в связи со сложившейся обстановкой в городе и магистрате. 12 мая 1767 г., как сообщает «Камер-фурьерский журнал», Екатерина была в доме, где собралось местное купечество [Камер-фурьерский журнал, 1767, 128]. У нас нет данных о содержании беседы, можно лишь предполагать, что, вероятно, и здесь императрица беседовала с ними об их нуждах. О том, насколько этот конфликт занимал ее, свидетельствуют слова, высказанные в Костроме. По прибытии из Ярославля в Кострому ею был заслушан доклад о том, что в городе имеется пять фабрик, владельцы которых и их дети с момента заведения живут «в единогласии и дружестве». Царица не скрывала своего удовольствия. Она пожелала, чтобы и впредь не только им, но и всему обществу быть в таком союзе и согласии [Там же, 144].

21 мая 1767 г., уже находясь в Нижнем Новгороде, императрица решила для установления спокойствия среди ярославского купечества послать в Ярославль капитана лейб-гвардии Преображенского полка Бахметьева [Прибавление к № 49 Санкт-Петербургских ведомостей, 1767]. Он был отправлен в Ярославль из Казани, где Екатерина работала над инструкцией [см.: Камер-фурьерский журнал, 1767], в которой определялись цель и методы предприятия. Его миссия заключалась в

установлении справедливости и спокойствия в городе. Можно увидеть определенную последовательность, постепенность в действиях, которой должен был придерживаться капитан. Так, по приезде в город он должен был узнать, сколько частей в нем имеется, и после этого, оповестив хозяев каждой части, собрать их в старшинском доме. Причем оговаривалось, что собирать их следует не всех вместе, а «по частям». Каждая «часть» «обрабатывалась» индивидуально, для того чтобы предотвратить появление новой волны недовольства. Капитан должен был разузнать, согласны ли горожане с челобитной, которая была подана императрице, и без принуждения ли она была подписана. Очевидно, по мысли Екатерины, таким образом создавалась не просто внешняя видимость легитимности, но и закладывалась основа для конструктивных взаимоотношений членов городской общины. Понятно, что вопрос о добровольном подписании челобитной отражал идеальное видение Екатериной этого сюжета. Горожане, вероятно, были вынуждены составлять челобитную под нажимом администрации.

Убедившись в «общем согласии», Бахметьев должен был организовать выборы городского головы и членов городского магистрата. Продумана была и форма избрания в магистрат, о которой просили челобитчики. Каждая часть города должна была выбрать депутатов, после чего предполагалось произвести выборы магистратских членов по баллам [Сб. РИО, 1872, X, 219—220]. В этом можно увидеть тот поворот в практике посадских выборов, который обозначается с конца 60-х гг. XVIII столетия. Начиная с 1766 г. главный магистрат, посылая в провинцию указы о производстве выборов, категорически предписывал соблюдать новый порядок и выбирать магистратских членов «баллотированием по превосходному противу прочих числу шариков». Таким образом, переносился порядок, который был установлен для выборов депутатов в Уложенную комиссию [см.: Кизеветтер, 1903, 729—730].

При избрании нового магистрата Екатерина распорядилась оповестить купцов и мещан, что их мировую челобитную она оценивает высоко и повелевает магистрату иметь «бдение» по ее исполнению. Тем самым императрица публично признавала правомерность поданной челобитной, что подчеркивало союз монарха и подданных и вносило определенный элемент успокоения. Была определена стратегия обращения Бахметьева с населением, в особенности с мещанством. Когда мещане добровольно согласятся на какие-либо сборы на общие городские нужды, следовало наблюдать, чтобы эти средства без согласия граждан не были употреблены на иные расходы. Запрещалось тратить собранные деньги на подарки кому-либо [Сб. РИО, 1872, X, 220]. Так создавалась основа для возрождения стабильности в городе. По сути, деятельность Бахметьева была нацелена на то, чтобы стабилизировать деятельность органа самоуправления городского сообщества.

По приезде в Москву Екатерина уже сделала определенные выводы. В сложившейся ситуации она усмотрела слабость центральной власти на местах: ярославский воевода Кочетов не смог устоять на независимой позиции, а взял сторону «первостатейного купечества», т. е. сильной стороны. Поэтому в письме к генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому от 3 июля 1767 г. Екатерина повелевает предложить Сенату его сместить, поскольку не только дела и слухи «о нем не

авантажны», но сверх того он еще и человек слабый. На посту воеводы, по ее мнению, нужен человек твердый, умный и расторопный [ЖМЮ, 1915, № 10, 198].

Тем временем Бахметьев развернул активную деятельность в Ярославле, о чем свидетельствует его отчет от 10 июля 1767 г. Из документа видно, что миссию, возложенную на него, Бахметьев считал оконченной. Капитан не уезжал из города, поскольку осталось собрать купеческие предложения: какие сборы с купечества могут считаться необходимыми и каким образом должен отчитываться магистрат о расходах [РГАДА, ф. 16, д. 1010, л. 1]. Здесь прослеживается характерный для императрицы метод управления: отдавать решение вопроса на обсуждение и тем самым разделять или частично снимать с себя ответственность за его разрешение. А с другой стороны, повышалась эффективность государственного управления и, следовательно, жизнеспособность империи.

Между тем его отчет оставляет противоречивое впечатление. С одной стороны, Бахметьев утверждал, что весь город приведен в «совершенное примирение». Все денежные обязательства, которые брало на себя купечество в челобитной, исполнены: купцы явились в назначенный день в магистрат с деньгами. Но сбор этих денег явно носил проблемный характер: до полного успокоения было далеко. По-прежнему объектом ненависти горожан оставалось купечество первой гильдии. Неожиданно страдающей стороной выступил и сам Бахметьев. Дело в том, что ратманы Кирпичев и Коровников в разговоре с капитаном объявили, что купец первой гильдии Дмитрий Киселев заявил в магистрате, что в собрании первостатейного купечества вместе с другими был принужден Бахметьевым заплатить штраф 20 рублей. Киселев просил их о защите от штрафа. Бахметьев уверял ратманов, что сбор этих денег не идет в штраф тем, кто их заплатит. Однако ратманы этими уверениями не удовлетворились, а утверждали, что внесением денег каждый себя штрафует навеки [Там же, л. 1 об.]. Это свидетельствовало о том, в общине обстановка была достаточно накалена. Ведь Бахметьеву было сложно умиротворить не просто рядовых, а должностных членов общины, которые в данной ситуации явно заняли враждебную позицию по отношению к купцу первой гильдии. Бахметьев начал разбирательство. Поговорив с Киселевым, Бахметьев сделал для себя вывод, что слова ратманов есть не что иное, как оговор купца. Последний не просил ратманов о защите от штрафа, намеревался заплатить, что следовало, и в назначенное время принес деньги. По словам капитана, Киселев даже высказал сожаление, что «по малому его капиталу» не может внести больше обещанной суммы, чтобы помочь своим товарищам. Однако здесь явно видно намерение купца представить себя в позитивном свете. Бургомистр Шабунин также уверил капитана, что никаких жалоб от Киселева не слышал. Бахметьев пришел к выводу о том, что у Кирпичева и Коровникова есть резон, чтобы привести город в состояние «новой ссоры и беспорядка» [Там же, л. 1 об—2].

Трудно сказать, был ли прав в своих суждениях капитан. Можно предположить, что купец первой гильдии Киселев был недоволен как челобитной, в которой купечество первой гильдии брало на себя большие финансовые обязательства, так и деятельностью Бахметьева, нивелирующего положение «первостатей-

ных» в органе самоуправления. Нам не известно, о чем говорил Бахметьев в собрании «первостатейных». Вполне вероятно, что он убеждал отдельных купцов первой гильдии, не согласных с челобитной, заплатить деньги, о которых в ней говорилось. Раздраженные купцы могли воспринять это как «штраф». В этом случае можно допустить, что Киселев говорил о штрафе в магистрате, т. е. о том, о чем говорили ратманы. При встрече же с Бахметьевым он, испугавшись, мог отказаться от своих слов. О том, что его поддержал Шабунин, свидетельствовало о наличии группировок в магистрате. Очевидно, что эти слухи относительно «штрафа» в городской общине были довольно сильны. Купцы первой гильдии в своем собрании «первостатейных» высказали капитану, что они не желают быть оштрафованными. Все были готовы заплатить, однако передавали просьбу государыне о незачете этих денег в штраф. Недоимки же высказали пожелание собрать, как было обозначено в коллективной челобитной, о чем и просили у императрицы соответствующего указа [РГАДА, ф. 16, д. 1010, л. 2 об.]. Итак, отчет Бахметьева все же свидетельствовал о том, что противоречия внутри общины оставались достаточно сильны, обстановка была напряженной.

Следует отметить, что ситуация в Ярославле имела определенное воздействие на императрицу. В следующем (1768) году она столкнется с подобной же проблемой в Орле, где не прекращались раздоры в среде местного купечества. Ее позиция ужесточится. В отличие от Ярославля, куда она посылала одного капитана Бахметьева, Екатерина учредит комиссию во главе с сенатором Желябужским. Государыне будет представлен доклад, из которого можно было сделать вывод о «непорядочности производства магистратских дел» и «слабости воеводского наблюдения должности» [ПСЗ, 1768, № 13101, 527—529]. Очевидно, что президент магистрата Степан Кузнецов и другие купцы, имеющие судебские полномочия, при попустительстве воеводы заняли отнюдь не беспристрастную позицию, в силу чего город пришел в «раздор и несогласие». Екатерина несколько умерила наказания, выдвигаемые комиссией. Однако следует признать, что и эти наказания были достаточно суровы. Особенно серьезно осуждались лица, наделенные должностными полномочиями. Президент орловского магистрата С. Кузнецов ссылался в крепость Св. Дмитрия (Ростов). Он же должен был компенсировать затраты пострадавшей стороне: из его имения повелевалось взять 3 тыс. рублей и отдать пострадавшему купцу Анисиму Алябьеву [Там же, 527]. Другой части осужденных полагался серьезный штраф: должностные лица бургомистр Сергей Неручев, ратман Иван Степанов и виновные в ссоре купцы должны были заплатить от 100 до 2 тыс. рублей [Там же, 529]. Были лица, которые наказывались заключением в острог на 1—3 месяца или штрафом от 100 до 200 рублей. Ряд виновных высылался из Орла. Все орловское купечество наказывалось штрафом в размере 4 тыс. 283 рубля (сумма, издержанная комиссией из казны, которую следовало возратить) и штрафом в размере 1 тыс. рублей в пользу Московского воспитательного дома [Там же, 528]. Михаил Дубровин и первостатейные орловские купцы за неправомерную апелляцию на бывшую сенатскую контору подлежали смертной казни. Однако императрица «из милосердия» освободила их от этого наказания.

Очевидно, что данное дело стало показательным. Власть намеренно осудила многих членов городской общины Орла. Это обосновывалось необходимостью направить в «законное русло» деятельность российских магистратов и внушить подданным важность нахождения общего языка в самой городской общине. Таким образом, можно увидеть дальнейшее развитие законодательства Екатерины II, начало которому положил конфликт в Ярославле.

В ходе путешествий императрица имела возможность оценить, насколько пластичен социальный организм империи, в какой степени он поддается государственному регулированию. Екатерина II на местах имела возможность также оценить эффективность деятельности городских магистратов в деле модернизации города. Личное ознакомление императрицы с проблемами города позволило ей решать вопросы, касающиеся улучшения положения купечества, жизнедеятельности городов: не только помочь материальными средствами, что тоже было существенно, но и дать рекомендации местной администрации по улучшению торгово-промышленной ситуации в городах.

Знакомясь с проблемами городского населения, Екатерина уверилась в правильности политики как по отношению к «третьему сословию», так и в плане торгово-промышленной политики. Законодательство показывает сложность и неоднозначность ее торгово-промышленной политики. Она пришла к пониманию, что право торговли, занятий ремеслом, производства промышленных товаров должно принадлежать не только одному купечеству, но и другим состояниям, поскольку эти виды деятельности являются одним из основных источников пропитания. Другое дело, что разрешить это официально она не могла, поскольку это подрывало один из основных столпов существования сословного государства, которое оно строило. Складывается впечатление, что Екатерина иногда разводила содержание того, что вкладывалось в понятия «идеология» и «политика».

Важным следствием путешествий Екатерины явилось формирование отношения к проблеме городского самоуправления. В ходе своих путешествий Екатерина могла убедиться, насколько это состояние «третьего чина» могло самоуправляться, насколько оно было сознательным в отправлении своих гражданских обязанностей. Это привело ее к определенным выводам относительно высокой роли местной администрации в улаживании конфликтов в городских общинах. Личное же участие императрицы в разрешении ярославской «смуты» способствовало развитию ее дальнейшего законодательства, о чем свидетельствует дело в Орле.

Alexander J. T. Catherine the Great: Life and Legend. N.Y., 1989.

Журнал министерства юстиции [ЖМЮ]. 1915. № 10. С. 198.

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 2318.

Kamendrovsky V. State and Economy in Catherinian Russia: The Dismantling of the Mercantile System of Peter the Great, unpub.diss. N. Carolina, 1982.

Каменский А. Б. От Петра до Павла I: реформы в России XVIII века. М., 1999.

Камер-фурьерский журнал 1767 г. СПб., 1767.

Кизеветтер А. А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. : Опыт исторического комментария. М., 1909.

Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903.

Ковальчук А. В. Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII века текстильное производство. М., 1999.

Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999.

Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности. Челябинск, 2003.

Омельченко О. А. Государственное хозяйство и экономическая реформа в законодательной политике «просвещенного абсолютизма» в России // A Window on Russia: Papers from V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Gargnano, 1994 /Ed. M. di Salvo, L. Hughes. Rome, 1996. P.75—81.

ОПИ ГИМ, ф. 92. д. 34.

Орлов В. Г. [Дневники]. Путешествие по Волге // Орлов-Давыдов В. П. Биографический очерк графа В. Г. Орлова. РА. 1908. Кн. 2. С. 315-345.

Прибавление к № 49 Санкт-Петербургских ведомостей от 19 июня 1767 г. СПб., 1767.

ПСЗ. Т. 1, № 1 (гл. 19, ст. 17); Т.18, № 12872, № 12949, № 13090, № 12891, № 12904, № 13101.

РГАДА, ф. 16, д. 382, д. 720, д. 1010; ф. 248, кн. 3629, кн. 4428, кн. 5484.

Санкт-Петербургские ведомости: Изъяснение к № 44 капитаном Тихвинным. СПб., 1767.

Сб. РИО. 1867. Т. 1; 1871. Т. 7; 1872. Т. 10.

Семевский В. О. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1901. Т.2.

Топографические примечания на знатнейшие места путешествия Ея Императорского Величества в белорусские наместничества. СПб., 1780; 1789.